

ГОРЬКИЙ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Чествуя Горького, как родоначальника пролетарской литературы и одного из крупнейших мировых писателей, нельзя ни на минуту забывать и его богатого революционного прошлого. Горький-писатель и Горький-революционер—это единый гармонический образ.

В революционную борьбу Горький вошел еще «на заре туманной юности» и полностью прошел страдальный путь революционера с верными спутниками—тюрьмой и ссылкой.

Первый раз он привлекался к ответственности в Казани, двадцатилетним юношей, по делу народовольческого кружка Кудрявцева, но за недостатком улик был отпущен «с миром». Спустя год, в октябре 1889 г., он арестовывается в Нижнем за связь с политическими ссылными и, освобожденный, переходит под надзор полиции.

Вторично он был арестован в Майкопе (1892 г.) во время странствований по югу по делу в казачьем бунте, как опасный агитатор. В этом же году, освободившись, он добирается до Тифлиса и, работая на железной дороге, ведет подпольную социал-демократическую пропаганду. Это дело жандармы выяснили случайно, спустя пять лет, и тем не менее Горький, работавший в Нижнем и имевший уже всемирную известность, арестовывается и в мае 1898 г. под конвоем отправляется в Тифлис. «Отсидка» в суровом Метехском замке длится три недели.

Возвратившись в Нижний, Горький активно работает в рядах социал-демократии и организует печатную технику подполья для выпуска прокламаций ЦК РСДП. В апреле 1901 года Горький арестовывается в четвертый раз и сидит в Острожном замке больше месяца. Освобожден он был только по настоянию врачей, т. к. жандармерия считала его опаснейшим агитатором среди канавинцев и сормовичей. После короткого пребывания на юге, Горького высылают под надзор полиции в Арамакс.

Пятый арест Горького связан с январскими событиями 1905 года. За написание яркого отчета-прокламации о событиях 8—9 января он был заключен в Петропавловскую крепость и был освобожден только в марте месяце под залог в 10.000 рублей, с высылкой из Петербурга. В январе 1906 г. Горький вполне своевременно уехал за границу, т. к. готовился новый его арест по обвинению в подготовке вооруженного

восстания, для организации которого Горький действительно добыл большие деньги.

Будучи уже за границей, Горький узнал о большом золотом займе, предоставленном Францией русскому правительству. И вот он обратился с гневным письмом, наделавшим шум во всем мире.



«Франция! Жадность к золоту опозорила тебя, связь с банкиром развратила честную душу, залила грязью и пошлостью огонь ее. И вот ты, мать свободы, ты, Жанна д'Аарк, дала силу животным для того, чтобы они еще раз попытались раздавить людей. Великая Франция, когда-то бывшая культурным вождем мира, понимаешь ли ты всю гнусность своего деяния? Твоя продажная рука на время закрыла путь к свободе и культуре целой страны. Если даже это время будет только одним днем—твое преступление не станет от этого меньше. Но ты остановила движение к свободе не на один день. Твоим золотом—прольется снова кровь русского народа. Пусть же эта кровь окрасит в красный цвет вечного стыда истасканные щеки твоего лживого лица. Возлюбленная моя! Прими и мой плевок крови и желчи в глаза твои».

На это письмо французская буржуазия и продажная интеллигенция ответила яростным воплем развращенного негодования. На собачий продажный вой Горький ответил еще более замечательным письмом.

«Г.г. Франции! Милостивые государи! Я познакомился с гейзерами красноречия, которое вызвала из ваших чернильных моя статья о займе, данном правительством и финансистами Франции Николаю Романову на устройство в России кровавых экзекуций (военно-полевых судов и всевоз-

можных зверств); я познакомился с вашими возражениями мне и—не поздравляю вас. Союз с так наз. русским правительством идет вам в пользу—вы стали обращаться с логикой, правдой и благородным французским языком точно казаки с женщинами... Я иногда не отвечаю на личные выходы против меня, и чем они грубее, тем скорее забываешь их, но, господа, вы обвиняете меня в неблагодарности, и я должен объясниться. Вы говорите: мы встали на защиту Горького, когда он сидел в тюрьме, а он... Но я не чувствую благодарности и доброту вашу считаю недоразумением. Я не мученик и не страдалец, каким вы меня усердно изображали, я просто человек, который уверенно делает свое небольшое дело, находит в работе полное удовлетворение... С точки зрения здравого смысла вам, господа, следует желать, чтобы я в тюрьме сидел возможно чаще и дольше, а когда вы протестуете против этого, меня такое ваше поведение, извините, смешит. Ибо мы—враги, и непримиримые, я уверен. Затем, вы говорите еще: мы любим Горького, а он... Господа! Искренне говорю вам: честному писателю и социалисту глубоко оскорбительна любовь буржуа. Надеюсь, что эти строки вполне точно и навсегда определят наши взаимные отношения».

(Письмо цитируется сокращенно).

В Россию Горький вернулся в 1913 г. по амнистии, вызванной ореолом мировой славы. В годы войны он, используя легальные возможности, издавал «пораженческий» журнал «Летопись».

После Октябрьской революции Горький занял было неверную позицию, которую легко объяснить: ему, как художнику, казалось, что революция сметет все культурное наследство, что в стихийном крестьянско-солдатском мире утонут большевистские рабочие суды, взятые курс на социализм. Жизнь показала, что Горький ошибся: рабочий горел на бушерае ведет к социализму и деревню. И Горький уже давно признал свою ошибку... а в одной из последних статей: «Анонимам и псевдонимам» он целиком солидаризировался с политикой и тактикой Октября.

Теперь испытанный борец-революционер, могучий художник и гигант слова—окончательно в наших рядах. В боях на фронте культурной революции он будет одним из лучших организаторов нашей окончательной победы.